

УДК 811.512.37 (Калм)

ББК 81.2

ГРАФО-ФОНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОГЛАСНЫХ ПО ДАННЫМ «РУССКО-КАЛМЫЦКОГО СЛОВАРЯ АНОНИМНОГО АВТОРА XVIII в.»

Graphophonetic Analysis of Consonants Based on Russian-Kalmyk Dictionary by Anonymous Author of 18th Century

Е. В. Бембеев (E. Bembeev)¹

¹кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Philology, Senior Scientist of the Theoretical and Experimental Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: galdma@yandex.ru.

Статья посвящена описанию графо-фонетических особенностей согласных на материале «Русско-калмыцкого словаря анонимного автора XVIII в.», который отражает живую калмыцкую речь XVIII в. Проведенная транслитерация заголовочных слов представляет значительный интерес для изучения фонетических изменений калмыцкого языка XVIII в.

Ключевые слова: графемы, фонемы, буквы, согласные, русско-калмыцкий словарь, анонимный автор, калмыцкие слова, зая-пандитская письменность, транскрипция, кириллица.

The article deals with analysis of graphophonetic peculiarities of consonants on the basis of Russian-Kalmyk Dictionary by anonymous author of 18th century. The dictionary, built in 18th century, consists of 2,988 entries, arranged in alphabetical order. A dictionary entry is comprised of three elements: an entry word in Russian, its equivalent in Kalmyk in Russian notation with elements of 18th century orthography, and the Kalmyk word written in old Kalmyk notation. Nominal and auxiliary parts of speech are given in their initial forms. Verbs of both languages are arranged according to their 1st person singular form, even if the verb is not used in that form. Of special interest are both Kalmyk words in Zaya Pandita's script, and Kalmyk words in Russian transcription. The system of notation, reflecting the sounds of the Kalmyk language, has a series of peculiar features: 1) the transcription utilizes accent marks – acute accent (') and grave accent (`), 2) the quantity of a vowel is sometimes presented through gemination, 3) the author uses special graphic characters for rendering the graphemes of the old written Kalmyk language by means of Russian alphabet to denote the sounds that are not common for the Russian language.

The dictionary is of special value as it illustrates both the orthography and the orthoepy of the Kalmyk language within the indicated period. The dictionary presents the colloquial Kalmyk speech of the 18th century, while the transliteration and occasionally even the transcription of certain headwords are of great interest for studying phonetic changes in the Kalmyk language.

Keywords: graphemes, phonemes, letters, consonants, Russian-Kalmyk dictionary, anonymous author, Kalmyk words, Zaya Pandita's script, transcription, Cyrillic script.

Лексический фонд языка, его своеобразие и богатство являются важным объектом лингвистических исследований. В последние годы благодаря автоматической обработке информации с помощью компьютерных технологий наблюдаются определенные тенденции в создании и развитии лексикографических баз данных калмыцкого языка¹. В этой связи актуальным является

¹ Об этом свидетельствуют разработанные в КИГИ РАН лексикографические базы данных,

их оцифровка и подготовка к переизданию² [Мулаева 2012; Очирова 2012; Очирова, Ку-размененные в Интернете по адресу: <http://bilib.ru/dictionary>.

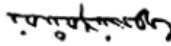
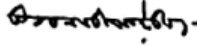
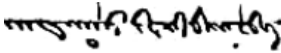
² Сотрудниками КИГИ РАН Н. М. Мулаевой, Н. Ч. Очировой проведена работа по оцифровке Русско-калмыцкого словаря анонимного автора (XVIII в.) [Анонимный словарь] и Краткого русско-калмыцкого словаря П. Смирнова [1857], Е. В. Бембеевым — сверка транслитерации с оригиналом.

канова 2012; Куканова, Бембеев 2012; Бембеев 2014]. Подобные электронные словари позволяют исследователям зафиксировать начальные значения многих слов калмыцкого языка в период его формирования как национального, что крайне необходимо для восстановления лексической системы языка. Кроме того они дают возможность выявить лексическое своеобразие и особенности старописьменных источников, реконструировать важнейшие процессы, происходившие в ходе развития калмыцкого языка на протяжении того или иного времени.

В настоящей статье рассматриваются графо-фонетические особенности согласных на материале «Русско-калмыцкого словаря анонимного автора XVIII в.» [Анонимный словарь]. Разумеется, описание фонетики языка любого памятника письменности не может достоверно отразить реального произношения, так как ученый анализирует не столько звуки, сколько буквы, ему приходится отталкиваться от алфавита и ограничиваться предположениями о том, какие звуки могли обозначать те или иные буквы в период, когда источник создавался. Метод сравнительно-сопоставительного анализа орфограмм слов в старописьменном написании и данных в современных языках и их диалектах представляет собой основной прием сравнительно-исторических исследований и дает множество сведений о характере произношения тех или иных слов и морфем в прошлом и тенденциях изменения их звукового облика. Он позволяет расширить представления о процессе фонетико-морфологического развития монгольских языков. Несмотря на очевидное несовершенство данного метода, поскольку полного тождества орфоэпии и орфографии не существует даже в письменности, построенной на фонетическом принципе, — он все же продолжает оставаться одним из ведущих.

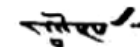
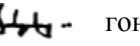
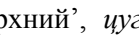
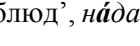
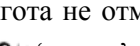
Русско-калмыцкий словарь анонимного автора был создан в XVIII в. и состоит из 2 988 словарных статей, расположенных в алфавитном порядке. При оформлении речевого слова составитель, как правило, выбирал начальную форму для именных и служебных частей речи. Однако в качестве заголовочной формы глаголов для обоих языков приняты формы 1-го лица единственного числа настоящего времени, в том числе приводятся даже те формы, которые являются неестественными:

густею 'ödörnēbi', зеле-

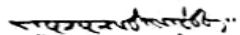
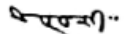
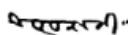
нею 'noŭŋnayibi', закипаю 'busuŋbayinēbi'. Словарная статья словаря состоит из трех элементов: заглавное слово на русском языке, его эквивалент на калмыцком языке в записи русской графикой с элементами орфографии XVIII в. и запись калмыцкого слова в старокалмыцкой графике: божуся *андагар кеджи байнэби* [Бурыкин, Омакаева 1999]. Кроме собственно калмыцких слов в записи на «ясном письме», несомненный интерес представляют слова на калмыцком языке в русской транскрипции.

Так, для передачи звуков калмыцкого языка последовательно используется система знаков, которая имеет ряд особенностей:

1) наличие знаков ударения в транскрипции — акут (') и гравис (˘). Как известно, акут используется в некоторых современных европейских языках, имеющих подвижное (нефиксированное) ударение, а гравис используется как знак обратного (слабого) ударения. Анализ словарных статей памятника показывает, что ударение акут (') ставится на последнем закрытом слоге слова (например: *утусáнь* 'нитка', *эркэ́шйкь* 'нежный'), над долгим гласным (*на́дань би́ий* 'нешутя', *о́дб́йи* 'нынешний', *гу́у* 'дыня'), на предпоследнем слоге глагольных форм перед лично-предикативным показателем (*цайна́рнэ́йи* 'бледнею', *андага́р кеджи байнэ́би* 'божуся'). Знак гравис (˘) фиксируется в открытых последних слогах, например, *хаби́ргэ* 'бок', *чичи́рцэ* 'дрожь';

2) обозначение в некоторых случаях долготы калмыцких гласных удвоением, например: *галу́унь* 'гуси', *у́ула* 'гора', *кю́йо́цэ* 'гонение', *деерки́* 'верхний', *цуга́ари* 'все (весь)', в некоторых случаях долгота отмечается знаком ударения акут (') *теме́нь* 'верблюд', *на́дань* 'игра', а иногда долгота не отмечается вовсе: *ху́лдачй* 'купец';

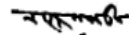
3) использование специальных графических знаков для передачи графем старописьменного калмыцкого языка буквами русского алфавита, обозначающими специфические звуки, которые не характерны для русского языка. Так, для обозначения

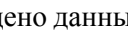
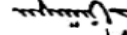
шипящей аффрикаты [ʃ] («джим» ʃ / ʃ перед [i]) используется сочетание букв *д + ж*: *хуцуджибайнеби* 'лаю', *джибирь* 'крыло', *тууджей* 'история', однако в некоторых случаях пишется буква *ж*: *жидà* 'копье', *туужичи* 'историк'; для передачи графемы , обозначающей звук [ü], автор использует русскую букву *ю*: *бюсè* 'кушак'; графема , обозначающая калмыцкий звук [ö], передается составителем в начале словаря буквами *jo*, а с середины — буквами *jö*, где буква *o* снабжена знаком циркумфлекса (^): *bjö* 'колдун', *jölgjö* 'колыбель', *djögъ* 'переклад'. К тому же автор sporadически разделяет графемы [ge] и [γa], используя, соответственно, буквы *g* и *γ*: *jörmjögjö* 'кафтан', *суулга* 'кадка', но *герчи* 'свидетель' и *герчилгән* 'свидетельство'.

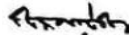
Отметим, что калмыцкие слова в записи русской графикой из данного словаря не всегда точно отражают запись звучания, более того, в некоторых случаях представлена не транскрипция, а транслитерация слова в старокалмыцком написании. Между тем, несмотря на это, необходимо подчеркнуть особую ценность исследуемого лексикографического источника, так как он дает представление одновременно и об орфографии, и об орфоэпии калмыцкого языка того периода.

Перейдем к рассмотрению согласных графем. Оговоримся, что далее при оформлении примеров мы приводим их в следующем порядке: написание в старокалмыцкой графике, транслитерация на латинице и перевод автора словаря в современной русской графике: *nolmistay* 'слезно'. Графемы отмечаются в кавычках, а звуки традиционно передаются в квадратных скобках без курсива.

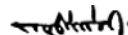
Графема «нун» / / передает переднеязычный [n]. В начале слова и в середине слога перед гласными представлена в виде

короткого зубца с диакритикой слева в виде одной точки, в абсолютном конце слова или перед согласным употребляется без диакритики. В источниках она встречается без каких-либо ограничений в любой позиции слова: *nolmistay* 'слезно', *naran* 'солнце', *endese* 'отсюда', *zurnayibi* 'стругаю'.

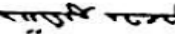
Графема «ха» / отражает сильный увулярный спирант [x], состоит из двух коротких зубцов с диакритикой слева в виде двух точек. Данная буква транслитерируется на кириллице в тексте словаря как «х». Употребление ее ограничивается анлаутной и инлаутной позициями твердоядных по вокализму слов. В исходной позиции слога и слова никогда не употребляется, что подтверждено данными памятника: *xabdalyan* 'стрельба', *asxani xoto* 'ужин', *xoyini xasā* 'овчарня'.

С помощью графемы «кяф» передается заднеязычный смычный [ke], который встречается только перед гласными переднего ряда и нейтральным [i]. Позиция буквы «кяф» ограничена анлаутом и инлаутом: *kerčineyibi* 'отсекаю', *kök* 'синий'.

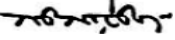
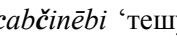
Графема «каппа» / передает увулярный сильный смычный [қа], встречающийся только перед гласными заднего ряда в анлауте и инлауте слов: *ere takā* 'петух', *zakān* 'приказ', *soқur* 'пест'. Как отмечал Г. Д. Санжеев, «в XVII веке увулярный смычный [қа] общемонгольского происхождения подвергся спирантизации в виде [x]: кара → хара — черный, бака → баха — лягушка и т. д.» [Санжеев 1977: 61]. Таким образом, последние три графемы «ха», «кяф», «каппа» в «чисто историческом плане ... передают аллофоны одной и той же фонемы [к]» [Санжеев 1977: 62].

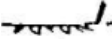
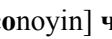
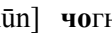
Графемой «гамма» / передается слабый увулярный согласный [γa], транслитерируемый на латинице по традиции как «γ» и употребляющийся в словах с вокализмом заднего ряда в анлаутной и инлаутной позициях: *xubāγāci* 'разделитель',

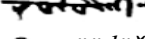
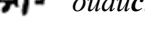
‘толкователь’, *yundal* ‘тоска’, *ulan o* ‘румяна’.

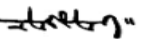
Графема «мем» / / обозначает билабиальный согласный [m] и употребляется без позиционных ограничений, что и нашло отражение в исследуемом памятнике: *mal* ‘скотина’, *ayimaq* ‘соседний’, *xadam ecege* ‘тесть’.

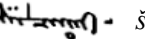
Графема «чим» / передает свистящую аффрикату [ç]. Ее употребление ограничивается анлаутной и инлаутной позициями. В исходе слова не употребляется:

 cabčinebi ‘тешу’, *cokolyon* ‘удар’.

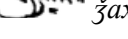
Исторически перед гласным [i] графема («чим») передает шипящую аффрикату [č], а перед остальными гласными — свистящую аффрикату [ç]. Г. Д. Санжеев писал о полифонности букв ойратского алфавита «чим» и «джим»: «преобразование древнемонгольских шипящих аффрикат [ч] и [дж] в соответствующие звуки ойратского языка [ч], [ц] и [дж], [з] происходило примерно в середине XVII века, в связи с чем буквы ойратского алфавита «чим» и «джим» следует считать полифонными» [Санжеев 1977: 64–65]. Можно с большой долей вероятности предположить, что в XVIII в. живое произношение калмыцкого языка уже строго дифференцировало фонемы [z] и [j], [c] и [č] вне их звукового сочетания с гласным [i]. Объективные сведения о живом произношении того времени дает транслитерация на кириллице, например, таких слов, как [čono] *чонò* ‘волк’, [čonoyin] *чонóинь* ‘волчий’, [čignün] *чогнóнь* ‘галка’.

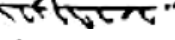
Однако, несмотря на фонетические изменения, происходившие в тот период в живом калмыцком языке, автор словаря следует традиционному написанию букв «чим» и «джим», не прибегая к использованию галиков (например, таких, как «č» и «ž»), строго дифференцирующих свистящие и шипящие аффрикаты и спиранты: *colotay* ‘праздный’, *öüdüči* ‘придверник’.

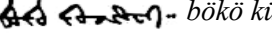
Графема «джим» / обозначает свистящий спирант [z]. Употребление было ограничено анлаутной и инлаутной позициями: *zöbtöy* ‘пристойный’,

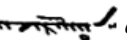
 šāzayay ‘сорока’. Исторически данная графема перед [i] обозначает шипящую аффрикату [j], употребление которой также ограничено инициальной и медиальной позициями: *tatajibayinēbi* ‘стягиваю’, *nayijinar* ‘супруга’.

Фонетические изменения, происходившие в тот период в живом калмыцком языке, находят широкое отражение в более поздних письменных памятниках калмыцкого языка, что выражалось частотным использованием специальных графем — галиков, — которые передают иноязычные звуки в заимствованных словах и собственные калмыцкие фонемы, которые оказались в какой-либо необычной позиции.

Составитель словаря лишь несколько раз использует галик [ž] при обозначении таких заимствованных слов, как ‘якорь’ и ‘якорный’, *žaxar*¹ и *žaxray* соответственно.

Графема «йота» / передает среднеязычный [y], который употребляется в начальной и средней позиции: *yekedece* ‘умножение’, *sanūlnayibi* ‘напоминаю’.

В конце слова встречается после гласных в виде графемы [y]: *nōstay* ‘мохнатый’, *bökö küčitey* ‘мощный’.

Графема «реш» / / передает переднеязычный дрожащий [r]. Традиционно употребление «реш» ограничивается ауслатной и инлаутной позициями, но при передаче заимствованных слов она может выступать и в анлауте: *acaralyan* ‘ношение’, *xamur* ‘нос’.

Таким образом, «Русско-калмыцкий словарь анонимного автора» является важным памятником истории изучения калмыцкого языка. Он отражает живую калмыцкую речь XVIII в., а транслитерация и даже порой транскрипция некоторых заголовочных слов представляют большой интерес для изучения фонетических процессов калмыцкого языка, многие из которых в той или иной степени нашли свое отражение в тексте исследуемого памятника.

¹ В современном калмыцком языке *жахр*.

Литература

- Анонимный словарь – Русско-калмыцкий словарь анонимного автора (XVIII в.). 104 с.
- Бембеев Е. В. «Ранние» двуязычные словари как источники изучения лексики калмыцкого языка [Текст]: Материалы от V международной науч. конф. (Варна, 15-20 сентября 2014 г.) / отв. ред. В.А. Баранов, В. Желязкова, А.М. Лаврентьев. София; Ижевск, 2014. С. 243–246.
- Буркин А. А., Омакаева Э. У. Русско-калмыцкий словарь второй половины XVIII века как памятник отечественного калмыковедения // «Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения (язык и литература)». Тезисы докладов и сообщений Междунар. симпоз., посвящ. 400-летию со дня рождения основателя ойратской письменности Зая-Пандиты и 390-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России. Часть. 1. Элиста, 1999. С. 18–21.
- Куканова В. В., Бембеев Е. В. К проблеме электронных словарей калмыцкого языка // Информационные технологии и письменное наследие El'Manuscript-12. Петрозаводск, 3–8 сентября 2012 года. Петрозаводск, Ижевск, 2012. С. 146–149.
- Мулаева Н. М. Русско-калмыцкий словарь Пармена Смирнова как источник изучения лексики калмыцкого языка // Участие калмыков

в укреплении Российской государственности: Мат-лы Региональной научно-практической конференции, посвящ. 1150-летию Российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 187–191.

- Очирова Н. Ч. «Ранние» словари калмыцкого языка и современные информационные технологии // Участие калмыков в укреплении Российской государственности: Мат-лы регион. науч. конф., посв. 1150-летию Российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 183–186.
- Очирова Н. Ч., Куканова В. В. К вопросу о разработке Словарного модуля в Национальном корпусе калмыцкого языка // Научное наследие проф. А. Ш. Кичикова и актуальные проблемы современной калмыцкой филологии и культуры (Кичиковские чтения). Мат-лы регион. науч. конф., посв. 90-летию со дня рождения профессора А. Ш. Кичикова (21 декабря 2011 г., Элиста). Элиста: Изд-во Калм. гос.ун-та, 2012. С. 108–110.
- Санжеев Г. Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ: Бурятск. книжн. изд-во, 1977. 161 с.
- Смирнов П. Русско-калмыцкий словарь. Казань, 1857. 127 с.

References

- [The Russian-Kalmyk Dictionary of Anonymous Author (XVIII century)]. 104 p. (In Kalm. and Russ.)
- Bembeyev E. V. [“Early” Bilingual Dictionaries as Sources for Learning Kalmyk Vocabulary]. In: Proc. conf. (Varna; 15–20 September, 2014). V. A. Baranov, V. Zhelyazkova, A. M. Lavrent'ev (ed.). Sophia; Izhevsk, 2014. Pp. 243–246. (In Russ.)
- Burykin A. A., Omakeeva E. U. [The Russian-Kalmyk Dictionary of the second half of the XVIII cent. as a Monument of Russian Kalmyk Studies]. In: [Actual Problems of Altaic and Mongolian Studies (Language and Literature)]. Conf. proc. devoted to the 400th Anniversary of the Birth of the Founder of the Oirat Script Zaya-Pandita and 390th Anniversary of the Kalmyk Voluntary Joining Russia. Part 1. Elista, 1999. Pp. 18–21. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Bembeyev E. V. [Concerning the Problem of Electronic Dictionaries of the Kalmyk Language]. In: [Information Technologies and Written Heritage El'Manuscript-12]. Proc. conf. (Petrozavodsk; 3–8 September, 2012). Petrozavodsk; Izhevsk, 2012. Pp. 146–149. (In Russ.)
- Mulaeva N. M. [The Russian-Kalmyk Dictionary by Parmen Smirnov as a Source of Learning the Vocabulary of the Kalmyk Language]. In: [Participation of the Kalmyks in the Strengthening of the Russian Statehood]. Conf. proc., devoted to the 1150th anniversary of the Russian Statehood and the Year of Russian History (Elista; November 29, 2012). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2012. Pp. 187–191. (In Russ.)
- Ochirova N. Ch. [“Early” Kalmyk Dictionaries and Modern Information Technologies]. In: [Participation of the Kalmyks in the Strengthening of the Russian Statehood]. Conf. proc., devoted to the 1150th anniversary of the Russian statehood and the Year of Russian History (Elista; 29 November, 2012). Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2012. Pp. 183–186. (In Russ.)
- Ochirova N. Ch., Kukanova V. V. [Concerning the Development of the Dictionary Module in the National Corpus of the Kalmyk Language]. In: [Scientific Heritage of Prof. A. Sh. Kichikov and Actual Issues of Modern Kalmyk Philology and Culture (Kichikov's Readings)]. Conf. proc., devoted to the 90th Anniversary of the Birth of Prof. A. Sh. Kichikov (Elista; 21 December, 2011). Elista: Kalmyk State University Publ. House, 2012. Pp. 108–110. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. [Linguistic Introduction to the History of Writing of Mongolian Peoples]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1977. 161p. (In Russ.)
- Smirnov P. [The Russian-Kalmyk Dictionary]. Kazan, 1857. 127 p. (In Kalm. and Russ.)